

Алексей Миллер, Фёдор Лукьянов

Авторы доклада:

Алексей Ильич МИЛЛЕР – профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор Центрально-Европейского университета (Будапешт).

Фёдор Александрович ЛУКЪЯНОВ – главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

*Наряду со всеми комплексами великой державы
Россия страдает сильным комплексом неполноценности,
свойственным малым странам.*

Иосиф Бродский
Меньше единицы. 1976 г.

*Наш орел, наследие Византии, – орел двуглавый.
Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы,
но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на Восток,
вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью...*

П.А. Столыпин. Речь в Государственной думе
в защиту сооружения Амурской железной дороги. 1908 г.

Этот проект был задуман в 2015 г., когда интеллектуальное взаимодействие между Россией и Западом все более превращалось в череду взаимных обвинений, обсуждений вопроса «кто виноват», и «сколько еще страданий нужно вытерпеть России, прежде чем она будет готова покаяться». Организаторы проекта стремились создать пространство для конструктивной дискуссии аналитиков и практиков из России, Европы, США, Китая, в которой можно было бы перейти от бесконечных обличений и претензий к теме будущего России в международных отношениях. Разумеется, это предполагало обсуждение вопроса о перспективе мироустройства вообще.

На первом этапе мы сознательно ограничили дебаты пятью годами. Это период, который в общих чертах уже просчитан в бюджетах, иначе говоря, короткий горизонт не позволяет воспарить в сферу научной и ненаучной фантастики. Между тем, быстро выяснилось, что даже в рамках такого ограниченного временного отрезка трудно уверенно говорить о будущем мирового устройства. Глобальная политика вступает в новую эпоху. Подходы XX века, по инерции сохранявшиеся, постепенно затухая, до второго десятилетия века XXI, исчерпали себя.

Новейший период – от рубежа восьмидесятых-девяностых годов прошлого столетия – начинался большими ожиданиями, надеждами на строительство «прекрасного нового мира». Важной частью «пространства мечтаний» была Россия, возникающая на обломках Советского Союза, крушение которого и знаменовало переломный момент. Четверть века спустя понятно, что большинство ожиданий не воплотились в жизнь. Мир не обрел устойчивого баланса, который пришел бы на смену конфронтации второй половины минувшего века. Россия попыталась превратиться в «нормальную страну», встроившись в «Большую Европу», однако потерпела неудачу. Во-первых, она в разных смыслах «не уместилась» в предлагавшийся формат, хотя на раннем этапе и старалась это сделать.

Во-вторых, не состоялось и само западо-центричное устройство, как его видели в начале 1990-х годов.

Теперь велик соблазн вернуться к старым интерпретациям или идеологическим ходам. Возродились риторика и дух холодной войны, что не способствует продуктивным дискуссиям ни по линии Россия – Запад, ни в самой России. В стране заново разгораются вечные и очень предсказуемые споры между западниками и почвенниками, атлантистами и евразийцами, либералами и дирижистами. Авторы доклада исходят из того, что эти споры заслуживают внимания постольку, поскольку позволяют увидеть новый смысл и новые качества вопроса о позиционировании России в международных отношениях. И понять, сможем ли мы, осознав эту новизну, «выйти за флажки» привычных идейных баталий, воспроизводимых с XIX века.

Процесс самопознания, осмысления перспектив мира и себя в нем начался в годы перестройки, высвободив интеллектуальную энергию, десятилетиями подавленную советской системой. Но дискуссию прервало крушение СССР и, по сути, она не возобновлялась 20 лет. Сначала государство и граждане попросту боролись за выживание, потом наслаждались углеводородным благополучием и расцветшим на его основе потреблением. Попытки вернуться к обсуждению идейно-ценностной сферы, предпринятые в 2012–2013 гг., пущены под откос украинским кризисом, власть и общество перешли в мобилизационный режим, а размышления пресекались пропагандой и обличениями «пятой колонны», с одной стороны, и «приспешников режима», с другой.

Однако вернуться к прерванному когда-то разговору придется, потому что давно стало понятно – международная среда меняется кардинально, и рецепты прошлого, будь они либеральные или консервативные, прогрессистские или реакционные, левые или правые, просто больше не действуют. Во всем мире чувствуется запрос на новые идеи и концептуальную рамку, но и отсутствие соответствующих предложений. России негде заимствовать ответы, их придется находить самим.

В центре нашего внимания был вопрос, наверное, самый распространенный в контексте позиционирования России и в минувшие три десятилетия, и два с лишним столетия до этого – о взаимоотношениях с Европой. Но мы сделали на этом акцент, не руководствуясь стереотипом, а исходя из понимания, что именно здесь произошли и происходят важнейшие изменения.

Данный текст не претендует на то, чтобы дать исчерпывающие ответы. Скорее авторы ставили задачу описать ситуацию и наметить контуры дискуссии. В рамках проекта, который продолжится в следующем году, мы готовим новые обсуждения, расширяем круг участников, намерены уделить больше внимания неевропейским измерениям темы и подвергнуть критическому анализу тезисы, сформулированные в этом докладе.

Авторы благодарят Центрально-Европейский университет в Будапеште за организацию международного семинара в феврале 2016 г., он неизмеримо обогатил содержание доклада (список участников прилагается). Разумеется, текст не является общим согласованным мнением всех присутствовавших, и только авторы доклада, свободно пользовавшиеся высказанными идеями, несут за него ответственность. Особая благодарность Фонду Макартуров за финансовую поддержку проекта.

«Новый мировой порядок», который не наступил

2016 год знаменовал исчерпание 70-летнего периода международных отношений, который состоял из двух стадий – холодная война 1940-х – 1980-х гг. и переходное время после распада Советского Союза. Мир стоит на пороге новой парадигмы. Провозглашена она была на рубеже восьмидесятых и девяностых годов, но на деле так и не наступила. Минувшие четверть века – не созидание нового устройства, а попытка адаптировать институты, пережившие эпоху идеологической конфронтации (в основном те, что во время противостояния обслуживали западный мир), к совершенно другому международному контексту. Сделать это предсказуемо не удалось. Сейчас неудача такого подхода если и не признана де-юре, то де-факто осознается все большим числом политиков, а главное – обществами ведущих стран, которые не поддерживают собственные элиты, ответственные за курс прошедших лет.

Завершающийся этап состоял из двух фаз, каждая из которых по-своему уникальна для мировой политики. На стадии холодной войны – не имеющая аналогов прочная стратегическая стабильность, основанная на военно-политическом равновесии двух сверхдержав. Затем, на стадии выхода из противостояния – весьма нетрадиционный порыв распространить идейно-ценностные принципы одной группы стран на весь мир в качестве универсальных. Каким бы ни стал следующий период, он, судя по всему, будет гораздо больше предыдущего воспроизводить схемы, присущие международным отношениям с древности до середины XX столетия.

Холодная война при всех рисках и издержках, связанных с системным противостоянием и опорой на ядерное устрашение, обеспечивала беспрецедентную упорядоченность мировой системы. Сверхдержавы вели непрекращающееся жесткое соперничество по всему полю, однако осознавали (особенно после Карибского кризиса 1962 г.) грань, которую нельзя переступать. После холодной войны кардинально изменилась риторика, однако, по сути, была предпринята попытка сохранить ту же модель власти над миром, что практиковалась раньше. Но теперь с опорой не на две уравновешивающих друг друга сверхдержавы, а на одну «гипердержаву»¹, способную, благодаря своему многократному преимуществу по всем компонентам силы, выполнять функцию всеобщего регулятора. **То есть холодную войну и то, что последовало за ней, объединяла уверенность: глобальными процессами можно управлять.**

Еще одна общая черта – **идеологизация политики**. Борьбу двух идеологий сменила попытка утвердить одну «правильную» идейную схему. И в том, и в другом случае идеологические установки накладывали яркий отпечаток на геополитическое соперничество. После холодной войны ситуация усугублялась тем, что неолиберальный подход поощрял тенденцию к сокращению роли государства во всех смыслах. Дееспособность государства как основной структурной единицы международных отношений падала, что снижало и регулируемость мировых процессов.

Наконец, третья объединяющая черта всего периода, которая имеет определяющее значение для России, – **существование Запада как единого политического понятия и**

1 Так в конце 1990-х гг. предложил называть США в их новой роли министр иностранных дел Франции Юбер Ведин http://www.nytimes.com/1999/02/05/news/05iht-france.t_0.html

даже, по сути, института. Запад как идея, конечно, появился много раньше, но до середины XX века он представлял собой пространство остро соперничающих между собой великих держав. Итоги Второй мировой войны и, прежде всего, появление СССР в качестве сверхдержавы впервые консолидировали Запад как идейно-политическую, военную и экономическую общность. С концом холодной войны она не только сохранилась, но и превратилась в институциональное ядро мировой системы.

Позиционирование Советского Союза в отношении Запада было очевидным – системный оппонент по всем параметрам. Россия же оказалась перед двойной дилеммой. С одной стороны, принятие или непринятие западной идейной и ценностной базы (эта тема присутствовала в российском дискурсе не менее 200 лет). С другой – участие или неучастие в управляемых Западом политических институтах, чего никогда раньше не предполагалось. То есть Россия просто не могла не определиться со своим местом относительно Запада – и по своим внутренним причинам, подробно о которых ниже, и со структурной точки зрения. Смещение этих двух измерений, прежде отдельных друг от друга, усугубило мучительную траекторию отношений, начиная с девяностых годов.

Модель моноцентричного мира (структурированного вокруг США и их союзников), которая казалась естественной и неизбежной четверть века назад, стала давать трещины уже в первые годы XXI века. Серьезный удар был нанесен в 2008–2009 гг., когда разразился мировой финансовый кризис. Его источником оказались не государства периферии (как, например, в конце 1990-х гг. во время «азиатской» волны), а само ядро – сначала Соединенные Штаты, а потом Европейский союз. Принятая на исходе «нулевых» модель восстановления через «национализацию убытков», то есть спасение частных банков за счет налогоплательщиков, остро поставила вопрос о моральной состоятельности всей экономической модели и подхлестнула протестные настроения против финансово-экономической глобализации.

Мировое устройство, возникшее по итогам идеологического противостояния второй половины прошлого века, вступило в финальную фазу своего кризиса в 2014 году. Намерение Евросоюза/НАТО институционально привязать Украину к своей сфере и отказ обсуждать это с Россией спровоцировали крайне жесткую реакцию. Москва окончательно сделала вывод, что «геополитическую алчность» Запада можно обуздать только «железным кулаком», как однажды это сформулировал Сергей Караганов².

Присоединив Крым и оказав поддержку антикиевским силам в Донбассе, Москва не просто провела «красную линию», которую готова защищать любыми средствами, включая военные. Россия заявила о нежелании соблюдать правила, сложившиеся в период ее слабости и неспособности добиться приемлемых договоренностей. С точки зрения Москвы, порядок, установившийся после 1991 г., не был естественным продолжением соглашений, которые обеспечивали мир и стабильность в Европе на последней стадии холодной войны. Соответственно, Россия не признавала незыблемыми реалии, возник-

2 Сергей Караганов писал в декабре 2008 г. в «Российской газете»: «После тбилисской провокации (пятидневная российско-грузинская война. – Авт.) стало превалировать опасное для политики мнение, что на Западе понимают только аргумент «железного кулака». Почти единогласные и, очевидно, несправедливые обвинения в первые дни конфликта в агрессии серьезно подорвали в глазах россиян даже обычно высокую привлекательность Европы».

шие после распада СССР, и не считала свои действия в отношении соседних стран (они были созданы уже после согласованных решений 1970-х – 1980-х гг.) нарушением договоров, достигнутых раньше. **Иными словами, Россия так никогда в полной мере и не согласилась с существованием «нового мирового порядка», который Запад считал само собой разумеющимся**, хотя до середины 2000-х гг. мирилась с ним как с данностью. Как верно замечали Иван Крастев и Марк Леонард, «европейцы ошибочно приняли неспособность Москвы блокировать создание нового порядка после холодной войны за согласие с ним. Слабость посчитали сменой убеждений»³.

Интервенция России в Сирии осенью 2015 г. подтвердила курс на непризнание неписанных норм – Москва предприняла военную акцию вне зоны непосредственных интересов, что до того момента было прерогативой исключительно США.

Решительное противодействие России продвижению ЕС/НАТО-центричного проекта на территорию бывшего СССР стало катализатором и во многом символом смены исторических вех в мировой политике. Тем более что Запад по-прежнему исходил из того, что экспансия его модели и институтов является исторически необратимой и потому не подлежит обсуждению. Но **упадок международного устройства** связан не только и не столько с позицией России, так и не вписавшейся в предлагавшиеся ей рамки, а **обусловлен глубинными проблемами самого ядра миропорядка после холодной войны, то есть европейских и евро-атлантических институтов.**

Эрозия институтов и «парадокс глобализации»

Идеология в духе «конца истории», восторжествовавшая на рубеже восьмидесятых-девяностых годов, споткнулась о неоднородность мира. Значительная его часть не хотела, либо, что еще хуже, попросту не могла воспринять предлагаемую Западом схему. Однако главной причиной кризиса стало то, что либеральная глобализация встретила растущее неприятие внутри сообществ, выступавших ее носителем.

«Парадокс глобализации», описанный Дэни Родриком (невозможность сочетать все три компонента одновременно – участие в глобальной экономике, суверенитет и демократию), пошатнул устои общественно-политического устройства в самих странах-лидерах. Феномен референдумов в ЕС или взлета Дональда Трампа и популярности Берни Сандерса в США показывает, что прямое демократическое волеизъявление повсеместно играет на руку группам, откровенно противопоставляющим себя истеблишменту. А обвинения в безответственности, некомпетентности, ксенофобии, звучащие в адрес поднимающихся политических сил, зачастую имеют обратное воздействие.

Политические элиты вынужденно космополитизировались. Ведь только через участие в формировавшемся наднациональном управлении они надеялись сохранить способность контролировать процессы, которые происходили на территории их соб-

3 *The New European Disorder*. By Ivan Krastev & Mark Leonard. European Council on Foreign Relations, November, 2014. http://www.ecfr.eu/publications/summary/the_new_european_disorder322

ственных стран. Однако источником легитимности элит оставалось национальное голо-
сование в каждой конкретной стране. Избиратели же с какого-то момента стали испыты-
вать усугубляющийся социально-экономический дискомфорт, который они связывали
как раз с глобальными процессами и отрывом правящих слоев от «корней».

Обеднение и дробление среднего класса, который служил опорой всей послевоенной
политической системы на Западе, обусловили упадок партийных систем. Партии мейн-
стрима попросту разучились иметь дело с недовольными слоями. Работу с ними они, по
сути, отдали на откуп «популистам», новым политическим силам, которые апеллируют
к чувству неуверенности и растерянности социальных групп, осознавших, что качество
и уровень их жизни дальше будут только снижаться. Впрочем, Фрэнсис Фукуяма пишет
о том, что «“популизм” – ярлык, который элиты навешивают на политику, поддержи-
ваемую простыми гражданами, но неприятную истеблишменту. Конечно, нет оснований
ожидать, чтобы демократические избиратели всегда делали мудрый выбор – особенно в
наш век, когда глобализация до такой степени запутывает набор вариантов в сфере по-
литики. Но и элиты не принимают верных решений, а их пренебрежение гласом народа
нередко маскирует тот факт, что “король-то голый”»⁴.

В результате наблюдается рост протекционистских (в широком, не только эконо-
мическом, смысле) настроений – запрос на «контроль» (главный лозунг кампании по
выходу Великобритании из Евросоюза – «вернуть контроль» над собственной жизнью,
экспроприированный нелегитимной наднациональной бюрократией) и «безопасность»
(что особенно актуально на фоне волны насилия под флагом исламского радикализма).
Это идет вразрез с идеологией открытого мира без границ, восторжествовавшей на ру-
беже 80-х – 90-х годов прошлого века. Опасения граждан влияют не только на глобаль-
ное устройство, но и на отдельные государства, в особенности – федеративные, сложно
устроенные. Очередная волна суверенизаций, начавшаяся с перекройки границ после
холодной войны в конце минувшего столетия, добралась до центра системы.

Правительства ищут способы (как правило, без особого успеха) приспособиться к
«глобальным ветрам». И если раньше преобладало убеждение, что в условиях глобализа-
ции выживают только очень большие общности (*to big to fail*), то XXI век принес и другой
опыт. Показателен случай Греции. Отдельно от еврозоны Афины преодолели бы кризис
быстрее и легче, чем в ее составе. Ну а надежда, что тот или иной компактный регион луч-
ше справится с вызовами глобализации, чем существующее национальное государство,
не воспринимаемое как подлинно «свое», видна в Каталонии, Фландрии, Шотландии. В
недалеком будущем список могут пополнить Северная Италия и другие регионы.

Беспрецедентное решение Великобритании о выходе из ЕС стало первым случаем не
расширения, а «сужения» единой Европы. К этому стоит добавить официальный отзыв
заявок на вступление, когда-то поданных Швейцарией и Исландией. Европейские по-
литические элиты уходят от экспансии и практически полностью сосредотачиваются на
решении внутренних проблем.

4 *American Political Decay or Renewal? The Meaning of the 2016 Election.* By Francis Fukuyama. Foreign Affairs, July – August 2016. <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-06-13/american-political-decay-or-renewal>

Соединенные Штаты находятся в точке перехода – от «однополярного момента», провозглашенного Чарльзом Краутхаммером в 1990 г. (способность Америки добиваться практически всего, что она считает необходимым), к новой роли самой сильной державы планеты, но не безусловного гегемона, а главное – не стремящейся «быть везде». Этот переход сопровождается диссонансом между правящим классом и большинством населения, что нашло выражение в фантазмагорической избирательной кампании 2016 года. Истеблишменту приходится пересматривать приоритеты ввиду усталости американского общества от внешнеполитического напора последних 20 лет.

Настроения в пользу закрытости, изоляционизма всегда составляли немаловажную часть американской политической культуры. Однако после Второй мировой и особенно холодной войны верх взяла идея неизбежности американского политического лидерства на Западе, а потом и в мире (выражаясь словами Мадлен Олбрайт, самовосприятием Америки как «незаменимой державы»). Окончание этого этапа сопровождается возрождением куда более изоляционистских взглядов. Они подпитываются ростом незападных центров экономического влияния, прежде всего Пекина. Китай мастерски использовал преимущества либеральной глобализации, начав в какой-то момент обыгрывать ее инициаторов, и это подстегивает стремление западных стран корректировать глобальные правила в свою пользу. Тем более что КНР – первый пример страны, которая, будучи глубоко встроена в западную экономическую систему, не воспроизводит либеральную политическую модель, не следует в фарватере Соединенных Штатов и потенциально бросает им вызов.

НАТО на уровне риторики восстановила единство и целеполагание, вернувшись к задаче холодной войны – сдерживанию Москвы. Однако альянс не имеет ответов на самые острые вызовы безопасности – рост конфликтности в ключевых регионах мира (Ближний Восток, Восточная и Юго-Восточная Азия), а также повсеместный всплеск исламского терроризма. Последнее – не внешняя, а внутренняя угроза для большинства западных стран. К тому же один из ключевых членов альянса, обладающий второй по величине армией (Турция), проводит линию, все дальше расходящуюся с союзниками и в Европе, и в Америке.

Предлагаемые рецепты сдерживания Москвы повышают вероятность ремилитаризации политики и даже конфликта в Европе, однако механизмы управления противостоят, минимизации рисков, наработанные в ходе холодной войны, сейчас отсутствуют. Работа по их восстановлению идет вяло. С точки зрения Запада, возвращение к диалогу по «мерам доверия» легитимирует Россию как равноправного военно-политического партнера, что полностью противоречит философии 1990-х и 2000-х годов.

Международная политика в целом все менее упорядочена. После холодной войны была предпринята попытка вестернизировать глобальное управление, распространить на всю планету действие организаций, которые раньше охватывали только западный мир (ВТО, Бреттон-Вудские структуры, в какой-то момент НАТО). Они не справились с многообразием задач. В результате параллельно возникают другие институты разной степени формализованности, представляющие незападную часть мира: БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, расширяющаяся Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (инициировано Китаем) и т.д. Успешность каждой из структур

еще предстоит доказать, далеко не все реализуют заявленный потенциал. Однако их появление отражает общую тенденцию – дробление глобального экономического и политического пространства, уход от идеи универсализма (на западных принципах), которая доминировала после победы Запада в противостоянии с СССР.

Импульс к отказу от всеохватности, повороту в направлении «огораживания» собственной зоны влияния и ответственности, своего рода «фиксации прибыли» после бурного подъема и экспансии, исходит и со стороны Запада. Идея торгово-экономических мегаблоков (Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство), выдвинутая в годы президентства Барака Обамы, формально не противоречит ВТО. Однако на практике новые структуры нацелены на то, чтобы создавать жесткое и очень «глубокое» (то есть регламентирующее на всех уровнях) нормативное поле для входящих в него государств, цементирование их транснациональными корпорациями, получающими значительно больше прав. Дальнейшее присоединение к этим блокам возможно на условиях, фактически не предусматривающих переговоров.

Такая практика не нова для западных структур, расширение ЕС и НАТО в 1990-е – 2000-е гг. тоже было основано на безоговорочном принятии кандидатами стандартов, установленных без них. Это был инструмент экспансии – евро-атлантические структуры добивались тем самым трансформации государств, относившихся к их зоне интересов. Тем более что сами государства искренне стремились войти в «клуб» и утвердить свою принадлежность к западному миру, пусть и на подчиненных, второстепенных ролях. До второй половины 2000-х гг. распространение западных институтов практически не встречало сопротивления. Страны, потенциально способные его оказать, либо находились в ослабленном состоянии (Россия), либо считали преждевременным заявлять о собственных амбициях и старались максимально использовать преимущества участия в глобальной системе (Китай). (На глобальной арене действовал более гибкий подход – желавшие присоединиться все-таки имели пространство для торга. Наглядный пример – ВТО. Умелым и достаточно упорным странам, той же КНР и даже до определенной степени России, удавалось добиться важных уступок.)

В новых структурах (ТТП, ТТИП) принцип «пакетного принятия» норм выполняет противоположную функцию – отсекается тех, кого там быть не должно. Не случайно президент США, аргументируя важность заключения и ратификации соглашения о ТТП, не раз подчеркивал, что его основная цель – не дать возможность Китаю диктовать правила торговых отношений в АТР, а определять их самим. В предшествующие два с лишним десятилетия те или иные торговые и экономические договоренности было принято аргументировать исключительно в духе игры с ненулевой суммой, в которой выигрывают все. Сейчас даже звучит другой тон.

За политическими переменами, естественно, стоят серьезные экономические и технологические сдвиги. Мировая экономика последних десятилетий опиралась на глобальные цепочки добавленной стоимости – части производства конечной продукции были распределены по миру, развивающиеся страны привлекали их к себе, что и создавало экономическую глобализацию. По мере технологических изменений потребность в глобальном охвате, вовлечении ресурсов (в том числе в плане дешевого человеческого капитала) партнеров снижается. Производства концентрируются в странах и регионах, где

есть высококвалифицированные кадры, мощные научные и технологические школы. Отсюда начавшийся процесс возвращения ранее вывезенной промышленности в западный мир – естественно, уже на новой базе. Пока в развитых странах сосредотачивается высокотехнологическое и дорогостоящее производство, однако эксперты полагают, что по мере удешевления технологий там же развернется и изготовление дешевой потребительской продукции, отданное роботизированным линиям. Как отмечает *Boston Consulting Group*, «одним из следствий... станет то, что глобальное производство будет все чаще становиться региональным. Поскольку низкокзатратные производственные центры существуют во всех регионах мира, то большее число товаров, потребляемых в Азии, Европе и Америках, будет сделано вблизи дома»⁵. Это в очередной раз заставляет усомниться в том, соответствуют ли времени возобновившиеся в России дискуссии о необходимости «встроиться в глобальные производственные цепочки»⁶.

«Большая игра» по-новому

Наступающая эпоха, по многим оценкам, возвращает мировую систему к более традиционным образцам. Уже сегодня наблюдаются приметы политики разных исторических периодов прошлого.

С одной стороны, возрождение великодержавного соперничества по модели XIX века, когда, согласно формуле лорда Пальмерстона, «нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны... интересы». На первый взгляд, существование Североатлантического альянса опровергает такой подход. Но НАТО – наследие минувшей эпохи, она остается единственным и уникальным альянсом, основанным на жестко сформулированных обязательствах и идеологической общности. Иных союзов подобного рода не формируется, и вряд ли они уже возможны. Впрочем, даже в НАТО расхождение мнений, оценок и приоритетов сейчас много заметнее, чем когда-бы то ни было в истории блока. Это проявляется среди европейских союзников, но особенно очевидно на примере Турции.

Другие стратегически значимые отношения, в том числе и с участием Соединенных Штатов, тяготеют к большей гибкости, что особенно заметно в Азии. Так, хотя многие

5 Harold L. Sirkin, Michael Zinser, and Justin Rose. *The Shifting Economics of Global Manufacturing. How Cost Competitiveness Is Changing Worldwide*. August 19. 2014. https://www.bcgperspectives.com/content/articles/lean_manufacturing_globalization_shifting_economics_global_manufacturing/

6 Для российской дискуссии о позиционировании в мире симптоматична полемика, которая, согласно неофициальным источникам, разгорелась в мае 2016 г. на заседании Экономического совета при Президенте России. Выступавший там Алексей Кудрин, по информации собеседников газеты «Ведомости», напомнил о существенном техническом отставании страны и призывал к тому, что Россия должна, пусть и на вторых ролях, встроиться в международные технологические цепочки. А для этого снизить геополитическую напряженность. Владимир Путин возразил, что даже если страна в чем-то отстала, у нее тысячелетняя история, и Россия не станет торговать суверенитетом. С учетом происходящих сдвигов в системе мировых экономических отношений обе позиции, как представляется, отражают подходы уже минувших периодов.

страны АТР озабочены ростом Китая и потому заинтересованы в гарантиях безопасности со стороны США, их отнюдь не привлекает перспектива целиком и полностью примкнуть к американской системе сдерживания Пекина. С другой стороны, достаточно иллюстративен пример Японии и Южной Кореи, которые, несмотря на тесные военно-политические связи с Вашингтоном, изыскивают любые возможности уклониться от антироссийской линии и укреплять отношения с Россией. После присоединения Крыма Сеул вовсе не ввел санкций против Москвы, несмотря на давление Вашингтона, а Токио де-факто вышел из режима санкций по итогам встречи Синдзо Абэ и Владимира Путина весной 2016 года.

Находясь в крайне непредсказуемой и хаотично меняющейся среде, государства стараются защищать свои интересы, избегая долгосрочных альянсов, которые слишком ограничивают свободу маневра. Китай, например, категорически не приемлет западные варианты жестких союзов с формальными обязательствами, потому что их невыполнение ведет к моральному краху и «потере лица», а на Востоке это еще больше, чем на Западе, девальвирует статус лидера. Достаточно взглянуть на мучительные натовские метания по поводу коллективной защиты Прибалтики или Польши от грядущей «русской агрессии».

Стратегические отношения нового типа, например те, которые пытаются выстраивать Россия и Китай, базируются не на жесткой иерархии или полной координации действий в сфере политики и безопасности. В их основе – принцип взаимного дополнения возможностей, неучастия в коалициях третьих стран против кого-то из партнеров и взаимная политическая и экономическая поддержка на случай, если один из партнеров окажется мишенью внешнего давления. Впрочем, правомерно предположить, что и Москва, и Пекин считают такую поддержку обязательной для себя, поскольку понимают, что, позволив «задавить партнера», сами превратятся в легкую мишень. Здесь, похоже, формируются своего рода неписаные, но важные взаимные гарантии, которые вполне можно назвать именно стратегическими, потому что они касаются вопроса о долгосрочном позиционировании друг в отношении друга. Ни Россия, ни Китай не стремятся к обязывающему альянсу, который требовал бы полной солидарности по всякому вопросу и принятия любых рисков, создаваемых одним из партнеров. Иными словами, Пекин не «впишется» за Москву из-за Крыма, сохраняя позитивный нейтралитет, а Россия не одобрит претензии КНР в Южно-Китайском море, но не поддержит и его оппонентов⁷. Однако растет уверенность, что Китай «подставит плечо», если санкции подтолкнут экономику России на грань коллапса, а Россия не позволит подвергнуть Китай прямому военному-силовому шантажу, если отношения на Тихом океане по какой-то причине резко обострятся.

7 Выступая в МГИМО 23 марта 2013 г., Си Цзиньпин впервые обнародовал идею «создания международных отношений нового типа, сердцевиной которых являются сотрудничество и взаимный выигрыш». В наши дни китайские политические комментаторы подчеркивают, что эта идея стала отправной точкой всей внешнеполитической концепции Си Цзиньпина. Ее производной стала концепция «отношений нового типа между большими государствами», которую Китай предлагает ныне в качестве основы взаимодействия с США. В китайских публикациях подчеркивается, что стратегия «международных отношений нового типа» Си Цзиньпина была использована за минувшие три года для продвижения сотрудничества Китая с Россией, США, Европой. Пока, впрочем, контуры таких отношений намечаются только в российско-китайском случае.

При этом не стоит питать иллюзий. Сохраняя стратегическую лояльность Москве, Пекин остается крайне неуступчивым партнером, когда речь заходит о его практических интересах. Отстаивает он их предельно жестко, не делая скидки на те или иные слабости визави. России предстоит постоянно доказывать Китаю свою социально-экономическую дееспособность, в которой китайские собеседники склонны сомневаться. Это делает крайне актуальным вопрос об опережающем развитии российского Зауралья, по состоянию которого вся Азия во многом и судит о перспективах России.

Эхо Тридцатилетней войны

С другой стороны, размывание границ и возможностей государств контролировать процессы на собственной территории приводит к подъему разнообразных негосударственных акторов, в том числе религиозных экстремистских объединений, отрицающих существующие государственности. Это заставляет вспомнить эпоху, предшествовавшую формированию в Европе национальных государств. Перед государствами встает сложная задача – как воссоздать способность к управлению и выживанию? Решать ее приходится в условиях, когда прежние принципы устройства наций-государств, которые и раньше отнюдь не всегда справлялись с задачей развития, неприменимы из-за повсеместно быстро растущей неоднородности обществ. И в силу очевидного сокращения способности государства обеспечивать социальные гарантии, что в XX веке служило важнейшим «предохранителем» от потрясений.

Завершающийся мировой порядок возник вследствие Второй мировой войны и отражал расстановку сил, сложившуюся по ее итогам. Холодная война не переросла в горячую, прежде всего, благодаря сдерживающему фактору ядерного оружия. Но потому и закончилась она без формального установления новой иерархии, хотя неформально это вроде бы произошло. Все дальнейшее стало следствием базового расхождения – между де-факто очевидным исходом противостояния 1940-х – 1980-х гг. (победа Запада над Советским Союзом) и отсутствием всеми признанной де-юре фиксации этого факта. На такой зыбкой основе устойчивого мирового порядка сложиться не могло – и не сложилось. Если он появится, то в результате следующего раунда противостояния, который должен обеспечить новый баланс сил и интересов.

Фактор ядерного оружия сохраняется, что удерживает от мировой войны. Ее заменой способна стать **продолжительная во времени череда локальных конфликтов средней и высокой интенсивности, которые и будут способом установления иерархии.** Из исторических аналогов это отсылает к «Тридцатилетней войне» в Европе в XVII веке, по итогам которой возник первый «мировой порядок» (тогда мировая политика вершилась именно в Европе) – Вестфальский.

Логика Вены и логика Потсдама

2016 год с его бурными событиями на Ближнем Востоке, в Европе, Америке, Восточной и Юго-Восточной Азии демонстрирует, что новые тенденции проявляются все более ярко,

и ответы предшествующего периода (холодная война плюс время после ее окончания) не работают. Запад пока не находит действенных рецептов. Июльский саммит НАТО в Варшаве фактически санкционировал возвращение к парадигме холодной войны – Россия обозначена как основной вызов и объект сдерживания. Даже если считать противоречия между Россией и НАТО существенными (хотя природа идеологического конфликта теперь совсем иная, в нем нет былой претензии на то, чтобы заставить оппонента изменить общественно-политическую формацию), они составляют лишь малую часть мировой повестки дня. Принципиальное отличие от прежней холодной войны заключается в том, что тогда противостояние Москвы и Вашингтона было стержнем международной политики, теперь же это не более чем один из компонентов, пусть и важных.

После холодной войны Запад как победитель в противостоянии второй половины прошлого века получил возможность выбирать, как обустроить мир. Могли ли лидеры (прежде всего США) упреждающим образом «поделиться» властью? В конце XX века Запад обладал огромным преимуществом по всем параметрам силы и влияния. Требовался очень мудрый и дальновидный подход для того, чтобы на пике могущества уступить часть прерогатив странам, находившимся в гораздо менее благоприятном положении или даже, как Россия, боровшимся за выживание в качестве значимой державы.

У Запада в 1990-е гг. был выбор. Первый вариант – **логика Венского конгресса**, когда побежденную Францию включили в клуб пяти великих держав, ставший основой европейского Концерта. Второй – **логика Потсдама**, когда была поставлена задача не допустить, чтобы Германия в XX веке могла вновь стать великой державой⁸. (Задача была решена более чем успешно, Германия до сих пор пугается этой роли.)

В итоге ни одна из двух логик не была воплощена в полной мере. Запад не проявил интереса к тому, чтобы включить Россию в свои структуры (институционально, а не на словах) и приложить по-настоящему серьезные усилия для содействия ее внутренней трансформации (впрочем, масштаб усилий, которые потребовались бы для достижения такой цели, даже трудно себе представить). И, с другой стороны, не «добил» Россию, вероятно посчитав, вслед за Збигневом Бжезинским, что потеряв Украину и другие имперские окраины, Россия уже не имеет ресурсов вернуться на роль великой державы. К тому же российский кризис 1990-х гг. был настолько глубок, что мало кто на Западе мог предположить скорое восстановление политико-экономического потенциала до сколько-нибудь значимого уровня.

В результате Россия сохранила прежнюю ментальность великой державы, однако она сочеталась с неясным ограничением по ресурсам и накопленным грузом мнимых и

8 Схожим образом это оценивает американский дипломат Час Фримен, правда, нужно оговориться, что исключение «России после царизма» из европейского концерта было выбором самих большевиков: «Мудрое американское государство приветствовало бы участие России в управлении и Европой, и евразийским материком в целом, а не сопротивлялось ему. Включение постреволюционной Франции в «европейский концерт» после наполеоновских войн показало, как вовлечение бывших противников обеспечивает долгосрочный мир и стабильность. Исключение Германии после Вильгельма и России после царизма из европейских институтов по итогам Первой мировой войны сработало не лучшим образом. Опыт заставляет осознать угрозу, которую несет лишение великих держав надлежащей роли в делах, где у них есть законные интересы».

реальных обид, унижений и претензий по поводу невыполненных гарантий (см. бесконечную полемику об обещании не расширять НАТО на восток). Тот факт, что на каком-то этапе Россия искренне верила в возможность доверительных отношений с ЕС и США, только усугубил нынешний крах доверия.

Ситуация опасна тем, что Россия, вернув геополитическую дееспособность и действуя умело в тактическом плане, обижена, отчуждена и нервна, и понимает, что если она снова даст слабину, то ее «добьют». Но истеричность в международной политике и в обсуждении будущего (Артемий Магун метко обозначил современную атмосферу как триумф «*истерического маккиавелизма*») свойственна, увы, не только России. Глубокая неуверенность сквозит и в европейских дискуссиях о будущем, и в американских дебатах периода избирательной кампании, где мотивы экзистенциальной угрозы играют центральную роль. Есть горькая ирония в том, что на Западе публичным олицетворением коварного могущества выступают Путин и Россия (см. совершенно небывалое после холодной войны место «русского вопроса» в американской президентской кампании), в то время как сама Россия страдает синдромом «осажденной крепости» и уверена во всевластии и повсеместном присутствии «руки Вашингтона».

Примечательно, что аналогичное восприятие политической роли Запада свойственно и Китаю, хотя он куда более успешно развивался все минувшие годы по совсем другой, чем Россия, траектории. Но в его отношении на Западе доминировал иной стереотип – развитие рыночной экономики неизбежно приведет КНР к политической либерализации и постепенному встраиванию в западное сообщество. Публично высказываемые в США и Европе надежды увидеть в развитии Китая признаки становления там «западного» порядка породили острые сомнения китайского руководства в подлинных целях Запада, тем более что параллельно курс Вашингтона на международной арене предусматривал продвижение демократии вплоть до силовой смены режимов.

Трансформация не в том направлении

Ожидания трансформации в «верном направлении» не оправдались ни в российском, ни в китайском случае. Но когда это стало очевидно, Запад уже начал утрачивать повластный контроль над мировыми процессами, да и «верность» направления стала у многих вызывать сомнения. Попытка предложить «остальным» (*the Rest*, популярная американская формулировка, ярко подчеркивающая восприятие Западом себя как безусловного центра мира) «кусочки» власти оказалась запоздавшей. Особенно наглядно это проявилось в конце 2000-х – начале 2010-х гг., когда в Соединенных Штатах активно обсуждалась идея американо-китайской «Большой двойки» («Кимерика»). В Пекине сочли, что Вашингтон предлагает разделить, в первую очередь, не «активы», а «пассивы» – ответственность за осложняющуюся международную ситуацию, чего Китай, конечно, не хотел. Доверия, необходимого для обсуждения подобной «большой сделки», не было и тогда. Сегодня же уровень подозрительности между всеми крупнейшими игроками столь высок, что ожидать любовного соглашения о разделе глобальной власти практически нереально.

Очень существенным для глобальных тенденций является тот факт, что нервное ощущение «обделенности» испытывают не только отдельные державы, но и немалая часть обществ, в том числе и в наиболее преуспевающих странах. Так, согласно **опросу Pew Research**, осенью 2014 г. в среднем 65% жителей развитых стран против 28% на вопрос, видят ли они лучшее будущее для своих детей, чем у них самих, отвечали, что дети будут жить хуже. В развивающемся мире пропорция была 50 к 25 в пользу оптимизма. Реакция беднеющего среднего класса США и Западной Европы на глобализацию – падение доверия к традиционным политическим партиям (их воспринимают как отрывающихся от народа космополитов) и мало контролируемый истеблишментом подъем экстравагантных, а временами и попросту безответственных сил, участие которых в национальной и международной политике еще повышает степень неопределенности.

С этим вызовом сталкиваются не только западные государства, но по-своему и большинство развивающихся стран, сумевших в предшествующие годы воспользоваться преимуществами глобальной экономики. Так, масштабная и жестокая кампания по борьбе с коррупцией в Китае, меняющая политический ландшафт, несомненно, призвана продемонстрировать обществу, что Коммунистическая партия в состоянии избавляться от тех, кто «забыл о народе», погнавшись за обогащением и увлекшись химерами иностранного образа жизни. И свидетельствует о внутренней неуверенности китайской верхушки.

Тема «справедливости» становится шаг за шагом столь же доминирующей в мире, как тридцать лет назад лейтмотивом служила тема «свободы». Главный вопрос вполне традиционен для переломных моментов развития. Сумеют ли политические системы генерировать лидеров, способных обеспечить реализацию этих запросов эволюционным и конструктивным образом? Или же трансформация будет монополизирована радикальными деструктивными силами?

Предстоящие годы, вероятнее всего, станут временем деконструкции международного устройства второй половины XX века, которое неудачно пытались приспособить к изменившимся условиям. Выработка новой политики и модели поведения государств в следующий период потребуют отказа от приемов и стереотипов, устоявшихся за семь предшествующих десятилетий. Основной риск – в степени желания и готовности доминирующей державы (Соединенных Штатов) отстаивать свою центральную позицию, как она зафиксировалась к концу XX века. Перед Вашингтоном стоит выбор – стратегия контролируемого ухода от однополюсной системы с сохранением для себя преимуществ, но не гегемонии, либо все более жесткое, в том числе силовое, противодействие нарастающим вызовам этой гегемонии. Многое зависит и от «претендентов», точнее в данном случае тех, кто не согласен на «Большой Запад», прежде всего России и Китая. Их готовность провоцировать «босса» или поддаваться на провокации самим способна сгладить или, напротив, усложнить глобальную трансформацию.

Многие западные комментаторы отмечают: глобальная повестка XXI века значительно отличается от той, что доминировала в прошлом столетии. На авансцену выдвигаются такие острые вызовы, как изменение климата, новые технологии и связанные с ними этические дилеммы, меняющаяся роль космополитических мегаполисов, продовольственная безопасность, угроза пандемий, транснациональная миграция и в целом

распределение человеческого капитала и т.д. Из этого делается вывод, что подход в духе *Realpolitik*, свойственный российскому взгляду на мир, устарел и мешает России занять достойное место в современной международной политике, которую в целом волнует нечто совсем другое.

Вероятно, однобокость отечественного подхода, действительно, имеет место. Однако это не означает, что вопросы, которые тревожат «старомодную» Россию, несущественны. Более того, мировые события наглядно демонстрируют: «классические» проблемы, не урегулированные в конце XX века, – силовой дисбаланс, отсутствие неоспоримой международной иерархии, эрозия общепризнанных правил, так и не сложившийся мировой порядок – постоянно напоминают о себе, не позволяя объединить усилия для противодействия новым вызовам. И без их решения ведущие игроки будут снова и снова возвращаться к одним и тем же моделям поведения.

Российская идентичность и система внешних координат: трансформация

Изменение глобального контекста принципиально важно для России – не только и даже не столько для внешней политики в узком смысле, сколько в контексте формирования новой идентичности, которая неразрывно связана с позиционированием в мире. **Завершающаяся эпоха** (середина 1940-х – середина 2010-х) **была, вероятно, исторической кульминацией непосредственной российской включенности в дела Европы**. Во время холодной войны часть Европы просто контролировалась из Москвы, и судьба Старого Света в значительной степени зависела от решений, принимавшихся в Кремле. А после ее окончания Россия предприняла попытку стать частью новой Европы, полностью идентифицировать себя с ней. Как это происходило и почему не получилось – ниже. Но сейчас такая перспектива больше не стоит на повестке дня.

Меняется вся парадигма мирового устройства, оно пребывает в крайне неустойчивом состоянии, выбор места в каком-то из существующих проектов либо невозможен вовсе, либо крайне осложнен. Иначе говоря, когда вся система находится в движении, говорить о встраивании куда-либо практически бесполезно.

В России все эти глобальные тенденции накладываются на более длительные процессы формирования национальной и коллективных идентичностей, определения места страны в мире. Усугубляющаяся обстановка внешней неопределенности делает насущным вопрос о выработке устойчивой и независимой самоидентификации, которая стала бы основой для развития.

Кризис в отношениях с Западом, резко обострившийся в 2013–2014 гг., привел к формированию новой конфигурации внешнеполитических связей России. Он ускорил и сделал более «читаемыми» важные процессы переформатирования коллективной идентичности. Такие перемены имеют, конечно, более существенное значение, чем ситуативные смещения в отношениях с теми или иными странами. Эти изменения в сфере коллективной идентичности вызревали давно, и будут иметь далеко идущие последствия для всех сторон жизни России, в том числе и для ее внешнеполитического позиционирования.

Центральный тезис анализа заключается в том, что и значительная часть элит, и большинство населения перестали думать о будущем страны в западо-ориентированной перспективе. Авторы отдают себе отчет в том, что на данный момент его невозможно доказать социологией. И от него удобно отмахнуться как от «импрессионистического», особенно если он не нравится. Однако имеющиеся цифры не противоречат нашему предположению.

Резкий рост в 2015 г. (до 75% общего числа опрошенных) тех, кто считал Запад врагом России, следует, конечно, отнести к воздействию средств массовой информации. Некоторое уменьшение интенсивности конфронтационной телепропаганды в 2016 г. сразу дало ощутимый эффект – **число считающих Запад врагом снизилось до 60–65%**. Но и дружелюбно настроенных к Западу людей больше почти не стало. То есть «демобилизация» враждебности ведет не к возрастанию позитивного отношения, а к увеличению числа тех, кто настроен безразлично, а если и доброжелательно, то отстраненно.

Дружественное отношение россиян к Западу было основано на представлении о возможности некоего совместного проекта будущего. Вера в него неуклонно сокращалась в течение всего постсоветского периода, став сегодня достоянием немногочисленных групп. Заметный в 2016 г. **рост позитивных ожиданий в настроениях россиян (11 %)** связан с ощущением, что страна научилась жить в условиях санкций и не рухнула в конфронтации с Западом.

Социологические данные не противоречат, а дискурсивный анализ современной полемики о будущем России прямо указывает на то, что Запад в целом, и Европа в частности перестали играть ключевую роль в русских представлениях о будущем. Это не значит, что новые представления кристаллизовались. Напротив, дебаты только развиваются. Но отход от евроцентризма уже можно констатировать.

Для понимания природы и масштаба этих изменений важно увидеть их сквозь призму длительных исторических процессов.

Россия и Европа в идентификационных дискурсах друг друга

В течение нескольких веков Россия, наряду с Османами, играла роль конституирующего Иного в формировании европейской идентичности. Наиболее подробно эту тему исследовал норвежец Ивер Нойманн в книге «Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей»⁹. Один из авторов настоящего доклада приложил много усилий к тому, чтобы книга вышла на русском, и написал к ней предисловие. К сожалению, исследование до сих пор не воспринято должным образом русской публикой. Перескажем вкратце основные тезисы Нойманна.

9 Iver B. Neumann. *Uses of the Other: «The East» in European Identity Formation*. U of Minnesota Press, 1999. Ивер Нойманн. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисл. А.И.Миллера, М.:Новое издательство, 2004.

В течение более чем трех веков Россия выступала в европейском дискурсе в двух ролях. Первая – **«варвар у ворот»** – понятна и не нуждается в пояснении. Сегодня мы видим ее очередное издание. Добавим только, что периодически некоторые периферийные европейские группы пытаются увидеть в «варваре» не только угрозу, но и шанс на обновление Европы. В России это с интересом замечают, но, как правило, переоценивают значимость подобных высказываний.

Вторая роль, предписанная России в европейских дискурсах идентичности, – **«вечный подмастерье»**. В средневековой Европе ученик-подмастерье был в полной зависимости от мастера, у которого находился «в обучении». Некоторым давали возможность создать и представить на суд гильдии свое творение, и стать членом корпорации в случае одобрения. Но применительно к России европейские дискурсы неизменно настаивали на том, что «ученик не готов». Роль вечного подмастерья представляла (и представляет) собой ловушку, в которой «Европа» неизменно выступает в качестве учителя и постоянно меняет критерии оценки, фиксируя Россию в учебной роли.

Когда Карамзин в конце XVIII – начале XIX века, в частности, в своих «Письмах русского путешественника», говорил о России как об учебе у Европы, в его рассуждениях сквозила уверенность отличника, который справляется с курсом и скоро получит аттестат зрелости. Роль обучающегося принималась без психологического надрыва, с благодарностью и почтением к европейским достижениям, но только до тех пор, пока это сопровождалось убежденностью в скором и успешном выпуске из школы.

Уверенный в себе молодой европеизм Карамзина был поколеблен Французской революцией с ее ужасами террора, а затем и вторжением Наполеона в Россию, которое впервые познакомило русских с «просвещенной» Европой как источником смертельной угрозы. Но все равно в первой половине XIX века западники и славянофилы спорили о том, какие «европейские ценности» – либеральные или консервативные – близки России, приходит ли с Запада «прогресс» или Запад является «страной святых чудес» (Хомяков). Так или иначе, Запад был доминантой русских дискурсов о прошлом и будущем, то есть об идентичности. На фоне этих споров автор знаменитой триады «Православие-Самодержавие-Народность» Сергей Семенович Уваров формулировал тезис об «эмансипации России в Европе», о том, что Россия стала «взрослой», и сама выбирает свой путь и критерии его оценки. Иначе говоря, Уваров пытался, сохраняя европейскую ориентацию, освободиться от иерархии «мастер-подмастерье». Вместе с Чаадаевым Уваров восхищался в то время стихами Пушкина «Клеветникам России».

В XIX веке некоторые скептические умы постепенно начинали трезво представлять структуру европейских дискурсов о России, а также осознавать неспособность русских изменить их, поскольку не они эти дискурсы формировали. Однако Николай Яковлевич Данилевский, который в 1869 г. впервые сформулировал тезис о том, что Россия «не Европа» и не должна стремиться ею стать, оставался поначалу фигурой экзотической, во многом маргинальной. Данилевский видел в Европе враждебную цивилизацию. Представление о Западе как об источнике угрозы суверенитету в России присутствовало, что объединяло ее, например, с Японией того же времени. Однако в отличие от Японии большинство российских элит понимали задачу не как защиту суверенитета и идентичности от агрессии Запада, но как утверждение России в роли неотъемлемой и полноправной

участницы европейского концерта держав, европейской цивилизации и европейской цивилизаторской миссии.

В 1881 г. Достоевский уже писал в «Дневнике писателя» о «еврофиксации» как о психологическом недуге: «Этот стыд, что нас Европа сочтет азиатами, преследует нас уж чуть не два века. Но особенно этот стыд усилился в нас в нынешнем девятнадцатом веке и дошел почти до чего-то панического... Этот ошибочный стыд наш, этот ошибочный наш взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать), – этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века, и мы поплатились за него и утратой духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и, наконец, деньгами, деньгами, которых бог знает сколько ушло у нас на то, чтобы доказать Европе, что мы только европейцы, а не азиаты». («Геок-тепе. Что такое для нас Азия?»)

В начале XX века ряд виднейших русских политических деятелей настаивали, что будущее России – в Азии. В их числе были Сергей Витте и Петр Столыпин, Петр Дурново и Роман Розен. Когда Столыпин мечтал о двадцати спокойных годах для России, он имел в виду не только угрозу внутренней революции, но и необходимость дистанцироваться от назревавшей в Европе войны. (Очевидно, что одно с другим теснейшим образом связано.) Колоссальная переселенческая программа Столыпина была направлена на то, чтобы сдвинуть центр тяжести России ближе к тихоокеанскому региону. Россия XX века виделась этим людям, часто разделенным между собой политическими противоречиями и личными амбициями, как империя континентального масштаба с населением более 400 миллионов человек, единственный соперник США, обладавших сравнимыми ресурсами.

После Первой мировой войны, в которой Россия отстаивала свою роль великой европейской державы, и революции, которая уничтожила империю и старое общество как таковое, Советская Россия смотрела на Европу как на арену продвижения мировой революции, а затем, в 1930-е гг., как на зреющую опасность. Европа перестала служить образцом для подражания и источником вдохновения. Точкой соотнесения стали Соединенные Штаты – и как основной союзник во Второй мировой войне, и как главный противник в войне холодной. СССР поделил Европу с США, и уже рассматривал континент как площадку соревнования двух сверхдержав.

«Общевропейский дом» и что из него вышло

Ренессанс и апогей русского европеизма пришлось на конец XX века, когда Михаил Горбачёв и поддержавшее его в этом общество отказались от холодной войны и вдохновлялись идеей не просто сближения с Европой, но создания общих структур, способных объединить континент «от Лиссабона до Владивостока» общими пространствами безопасности, гуманитарного и экономического сотрудничества.

Стоит заметить, что горбачёвская идея «общевропейского дома», несмотря на приерженность первого и последнего президента Советского Союза «общечеловеческим ценностям», не предусматривала того, что его страна попросту вольется в некое запад-

ное сообщество. В понимании Горбачёва и его соратников «общеевропейский дом», как и вырастающий из него «новый мировой порядок» (этот термин в 1986 г. впервые ввел в оборот именно советский генсек), должен был стать совместным предприятием бывших соперников. СССР и Запад взаимодействовали бы «на паях», по сути руководствуясь идеей конвергенции социализма и капитализма, которую десятилетием раньше выдвигал самый известный советский диссидент и нобелевский лауреат Андрей Сахаров (а до него видный русско-американский социолог Питирим Сорокин). Иными словами, перестроечные власти позднего Советского Союза предполагали равноправное участие в созидании нового мира, а не подчинение какой-либо «правильной» системе. Крушение сверхдержавы перечеркнуло эту модель.

Вообще, демократическое движение в РСФСР, которое в итоге и сыграло решающую роль в ликвидации Советского Союза, пыталось встроиться в общий антисоветский и антиимперский, однозначно прозападный нарратив, типичный для антикоммунистических и националистических движений в Восточной Европе и национальных союзных республиках (Прибалтика, Грузия, Украина, Молдавия, Армения, Азербайджан). Искусственность такого заимствования не ощущалась в пылу стремления к революционному переустройству, но начала немедленно проявляться с момента дезинтеграции общего государства.

Тем не менее, после развала СССР ельцинское руководство все еще надеялось на объединение с Западом. **В начале 1990-х гг. Россия впервые в истории жила в ситуации полной духовной и даже политической победы «западников»**, хотя интеллектуальные и моральные характеристики нового издания «западничества» оставляли желать много лучшего. Прискорбной чертой этого времени стало полное забвение того опыта «евро-скептицизма», точнее – трезвого отношения к Европе, который русская мысль постепенно выработывала в конце XIX и начале XX века.

Как мы знаем сегодня, решение о том, что новых структур в Европе создано не будет, а станут расширяться те, что существовали в эпоху холодной войны и либо не могли включить в себя Россию (как ЕС и НАТО), либо имели целью ее одностороннюю адаптацию к западной схеме (как Совет Европы), было принято в Вашингтоне уже в начале 1990-х годов¹⁰. (Показательно, что единственная структура, которая изначально предусматривала равноправное участие России – СБСЕ/ОБСЕ – деградировала после холодной войны, превратившись по существу в агентство по контролю за выборами на постсоветском пространстве).

С европейских позиций такой подход обосновал Ральф Дарендорф в книге «Размышления о революции в Европе» (1990): «Европа – это не только географическая или культурная концепция, она обладает важнейшим политическим значением. По крайней мере отчасти оно следует из того, что малые и средние страны пытаются совместно определить свою судьбу. Среди них нет места сверхдержаве, даже если она уже не является экономическим, а, возможно, и политическим гигантом. Способность многократно уничтожить все человечество определяет Советский Союз не в ту компанию, в которой находятся Гер-

10 См. Vladislav Zubok *With his back against the Wall: Gorbachev, Soviet demise, and German reunification* // *Cold War History* Volume 14, 2014 – Issue 4. P. 619-645.

мания и Италия, Польша и Чехословакия, и даже ядерные державы Великобритания и Франция». И далее: «Общевропейский дом будет построен не по проекту Горбачёва; он будет располагаться западнее разрушающейся империи и ее будущих наследников... Европа заканчивается на советской границе, где бы последняя ни проходила»¹¹. Заметим, Дарендорфу было бы честнее сказать, что в Европе было место лишь для одной сверхдержавы, способной «многократно уничтожить человечество», и это были США, фактически – ключевой со-архитектор европейского проекта. Впрочем, можно допустить, что в момент написания работы Дарендорф и вправду надеялся, что Европа станет самостоятельным внешнеполитическим актором, эмансипировавшись от патроната.

Правомерность полностью западо-центричного курса стала ставиться под сомнение в России уже с середины 1990-х гг. на фоне все более бесцеремонной политики Запада по переустройству Европы и мира. Для общества поворотным моментом стала война НАТО против Югославии в 1999 г. – многие даже вполне прозападно настроенные россияне были потрясены тем, что на исходе XX столетия можно наносить ракетные удары по столице европейского государства под предлогом, в который почти никто в России не верил. Кстати, в тот момент и обнажилась решающая роль Соединенных Штатов в европейской политике.

И все же надежда, что Европа откроет свои объятия для равноправного стратегического взаимодействия, умирала долго и болезненно. Готовность к роли ученика, продемонстрированная в начале 1990-х гг., сменилась в 2000-е гг. надеждой найти в Европе партнеров для ограничения американской гегемонии. В 2003 г., накануне вторжения США в Ирак, ненадолго показалось, что такое возможно. Но это была иллюзия. Расширение НАТО и Европейского союза в 2004 г. привело к серьезным последствиям в отношениях ЕС и России. Внутри Евросоюза сформировалась устойчивая антироссийская коалиция Польши, Швеции и прибалтийских республик, имевшая, как показали последующие годы, поддержку влиятельных сил в старом европейском ядре и, естественно, в Соединенных Штатах.

Стремление к стратегическому сотрудничеству с Европой в экономической сфере также выявило наличие серьезных ограничений. Истории с попытками купить акции *Airbus* и *Opel*, неудачным участием российской частной компании в сделке по металлургическому концерну *Arcelor* и др. послужили ясным указанием, что доступ к технологиям будет по-прежнему строго контролироваться либо самими европейцами, либо американцами. Ведущая роль России как поставщика энергоресурсов все более рассматривалась в ЕС сквозь призму безопасности. Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что весомый вклад в деградацию энергетического диалога России и Евросоюза внесли транзитные страны бывшего СССР и неспособность Москвы выстроить с ними ровные деловые отношения.

Евросоюз полагал, что вправе диктовать нормативно-правовые рамки экономических связей с Россией, а политические отношения строить по принципу обусловленности (*conditionality*) – практически любой шаг со стороны Европейского союза Россия должна была «заслужить». Наиболее ярким примером стала многолетняя эпопея с согласовани-

ем безвизового режима для краткосрочных поездок. К вполне обоснованным техническим требованиям (обустройство границ, защищенность паспортов, реадмиссия) европейская сторона постоянно добавляла либо посторонние вопросы (например, выплаты за транссибирские авиаперелеты), либо дополнительные условия чисто политического характера – уровень демократии в России и т.д. В итоге тема сошла на нет сама собой. А ведь многие и в России, и в Европе признавали, что безвизовый обмен принес бы не только экономические выгоды, но и куда более благоприятную взаимную атмосферу и усилил бы тягу к сближению.

Вообще, отношения России и Европейского союза в эпоху «стратегического партнерства», а именно так они официально характеризовались после подписания в 1994 г. Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, были парадоксальны. ЕС де-факто руководствовался на российском направлении моделью отношений, которая применялась к странам-кандидатами, то есть партнер должен приспособливаться к институту, а не наоборот. Однако Россия никогда не претендовала на членство в Европейском союзе и не предполагала для себя такой вариант. Соответственно она не понимала, почему должна в одностороннем порядке адаптироваться к нормам и правилам, предлагаемым Евросоюзом, последний же даже не рассматривал другие варианты взаимодействия. Самым щедрым предложением со стороны Европейской комиссии была концепция ее председателя Романо Проди, который в 2002 г. призвал разделить с Россией «все кроме институтов». В переводе с политического языка это означало, что Москва должна была принимать нормативно-правовую базу ЕС, не имея возможности на нее влиять.

В итоге позитивная повестка дня «высохла». Программа «Восточного партнерства» превратилась в инструмент геополитической борьбы между Западом и Россией. Конфронтация 2014 г. стала логическим завершением этих процессов.

На протяжении всего периода «стратегического партнерства» России и Евросоюза между ними не существовало «обычных» торгово-экономических отношений, которые определялись бы исключительно выгодой сторон и способностью предъявить убедительные аргументы на жестких переговорах. Связи всегда были вписаны в широкую политическую и идеологическую рамку, должны были служить цели создания комплексной взаимозависимости, но без формальной интеграции. В итоге страдала и экономика, и политика. Скажем, такие, безусловно, необходимые России элементы европейского уклада, как правовое государство и уважение основных прав и свобод человека, будучи поданы «в пакете» с вопросами открытия рынков, провоцировали отторжение всего набора «европейских ценностей». И со временем из раздраженной реакции со стороны Москвы это превратилось в концептуальную установку.

За 25 лет после холодной войны и отказа от Советской власти российское общество повторило в ускоренном темпе те стадии, которые русская мысль проходила в XIX веке. От готовности к роли ученика и надежды на скорое вхождение в общие структуры к поиску в Старом Свете партнеров для осуществления концепции многополярного мира, надеждам на партнерство для модернизации российской экономики, которое должно было перерасти в экономический симбиоз ЕС и России, и наконец, пониманию того, что стратегия стать частью Европы неосуществима. Рациональное осознание элитами отсутствия каких-либо стратегических перспектив на европейском направлении

сочетается сегодня с распространяющимся эмоциональным отчуждением россиян от Европы. Социологические опросы последних двух лет впервые после распада СССР показывают отрицательное отношение к ЕС большинства населения.

Великодержавность: что это значит?

Конечно, повторение тех же этапов «познания Европы» не означает полной идентичности траектории. Начало XXI века существенно отличается от времени накануне Первой мировой войны. Россия потратила XX век на кровавый и расточительный советский социальный эксперимент, будучи вынужденной расходовать колоссальные ресурсы на противостояние стремившимся к мировой гегемонии германскому и, затем, англосаксонскому блоку. В обоих случаях страна не капитулировала в конфронтации. Сегодня масштабы ее ресурсов несопоставимы с теми, что были у Российской империи или Советского Союза. Правда, сократился и масштаб бремени по поддержанию «внутренней» и «внешней» империи. Изменилась и Европа, которая перестала быть центром мира, источником геополитической силы, и, во многом, независимым геополитическим актором, уступив эту роль США. Амбиции части европейских лидеров, которые в конце XX столетия рассчитывали на создание собственного центра влияния, сопоставимого с Соединенными Штатами и Китаем, не реализовались. Надежды ЕС на превращение в мирового лидера за счет «мягкой силы» сегодня уж совсем лишены убедительности. Скорее объединенная Европа пробует, без особых шансов на успех, заново обрести способность генерировать «жесткую силу» самостоятельно.

Попытки России найти в Европе партнеров для концерта великих держав и выстраивания баланса сил в духе XIX века были тщетны потому, что в Европе нет великих держав, кроме НАТО, а внутри альянса европейские союзники находятся на второстепенных ролях. **Это значит, что и Россия не может стать великой державой в традиционном смысле слова как участница концерта держав – за отсутствием оно.**

Между тем, как выяснилось в 2014 г., убеждение, что Россия должна быть великой державой, объединило правящий слой и большинство населения. Готовность вступить в конфронтацию с Западом, продемонстрированная Путиным и его окружением, стала, помимо прочего, ответом на магистральную линию критики Кремля со стороны националистов, обвинявших верхушку в дегенерации до уровня компрадорской элиты, полностью зависимой от «западных хозяев». Оказалось, что тема «достоинства» и способности жестко противостоять Западу, когда он на это достоинство посягает, важнее и для многих из тех, кто в результате санкций утратил возможность управлять своими кампаниями из Женевы или Лондона, и для тех, кому стало труднее дожить до зарплаты в связи с девальвацией рубля.

Но вопрос о том, что значит быть «великой державой» сегодня, нуждается в пояснении. Вернуться в XIX век к концерту великих держав невозможно. Попытка интегрироваться в Запад с сохранением особого статуса нереалистична. Также потерпели неудачу планы России стать самостоятельным центром интеграции постсоветского пространства.

Другим возможным идеологическим драйвером экспансии мог бы стать русский ирредентизм, «спасение» русских соотечественников за пределами современных границ России. Этот мотив отчетливо прозвучал в 2014–2015 годах. На данный момент Кремль перестал им оперировать, вероятно, не в последнюю очередь потому, что осознал, насколько трудно контролировать этнический национализм, по сути, последний невыработанный идеологический ресурс.

Люди, которые мечтают о восстановлении имперского величия силой, сейчас далеки от рычагов управления. Экспансия и ревизионизм ни в форме возрождения империи, ни в форме русской ирреденты не являются движущими силами российской политики, и не поддерживаются подавляющей частью населения. Хотя настойчивые усилия разных игроков, пытающихся сделать русский ирредентистский национализм влиятельным фактором, отчетливо прослеживаются на протяжении последних 10 лет.

При этом нужно иметь в виду, что эмоциональные и интеллектуальные корни русского ирредентизма глубоки, они уходят в XIX век. Советская национальная политика строилась на отрицании того представления о русской национальной территории, которое выстраивалось во второй половине XIX – начале XX века. Тогда шел процесс формирования внутри Российской империи «большой русской нации», которая включала бы всех восточных славян. Закат советского проекта реанимировал тогдашние идеи. Когда Александр Солженицын в трактате «Как нам обустроить Россию» (1990)¹² попытался определить границы ядра, которое должно было остаться нетронутым в процессе распада СССР, в его концепции практически без изменений «проступил» тот образ русской национальной территории, что доминировал накануне Первой мировой войны. (Важным исключением была западная Украина. Галицию, которую императорская Россия стремилась аннексировать в ходе войны как «исконно русскую», а Сталин в 1939 г. – как «исконно украинскую» землю, Солженицын считал нужным исторгнуть из русского мира, считая ее неизлечимо враждебным социумом.)¹³

Задача избегания рисков, связанных с новыми попытками реализации ирредентистской идеи, становится одной из ключевых как для самой России, так и для государств постсоветского пространства. Пример Украины показал, что стремление порвать политико-экономические связи с Россией, кардинально переориентироваться на другие центры влияния резко повышают опасность русского ирредентизма в странах, где имеется значительное русское население. Например, для Казахстана участие в проекте Евразийского экономического союза и предотвращение перехода власти к этническим националистам – залог территориальной целостности и сохранения северных областей, где проживает русское население. Напротив, дестабилизация Казахстана, создающая риски для этнических русских, может иметь крайне опасные политические последствия не

12 Александр Солженицын. Как нам обустроить Россию. <http://www.msk.kp.ru/daily/24141/359116/>

13 Примечательно, что Единое экономическое пространство (ЕЭП), первоначальный дизайн интеграции, которая впоследствии превратилась в Евразийский экономический союз, по контуру почти совпадало с идеями Солженицына – Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан. То есть было попыткой экономическими методами избежать раскола ядра и воссоздать на более современной основе единый центр развития. Проект не был реализован из-за позиции Киева.

только для него, но и для России, поставив ее перед необходимостью реагировать в ирредентистском русле.

Одним из существенных российских интеллектуальных течений XX века являлось евразийство, и оно неизбежно будет вновь присутствовать в предстоящих дискуссиях. Ведь Евразия действительно становится авансценой глобальной политики и мощным центром экономического и политического развития, а важная роль в ней России не подлежит сомнению. К сожалению, нынешний извод евразийской идеи – смесь примитивного понимания имперскости, элементов ирредентизма, агрессивного антизападничества и реакционного толкования геополитики. Между тем стране нужно нечто совсем другое – концепция созидательного действия, прежде всего геоэкономического, нацеленного на придание нового динамизма огромной территории от Европы до Юго-Восточной Азии в сотрудничестве прежде всего с Китаем, но и с другими странами региона. Такой подход может стать свежим импульсом к подъему России, и уберечь ее от соблазна **заведомо ущербного реваншистского курса в Восточной Европе.**

Безусловной ценностью для элит и большинства населения является национальное достоинство и статус суверенного игрока, что не удивительно в стране, которая не потеряла суверенитета в течение четырех веков. В Европе этим не может похвастаться больше никто, за исключением Великобритании. (В том, как складываются отношения Соединенного Королевства с единой Европой, привычка к особому статусу суверенного игрока сыграла не последнюю роль.)

Дмитрий Тренин полагает, что Россия является великой державой «не потому, что способна контролировать других и навязывать им свои нормы, правила и решения, а благодаря высокому уровню самодостаточности и собственной устойчивости к внешнему воздействию, а также, что очень важно, благодаря принципиальной способности производить глобальные публичные блага, такие как обеспечение международной безопасности, международного правосудия и миротворческого посредничества»¹⁴. Подобная интерпретация не является в России общепринятой, однако показывает, как представляется, верное направление – отход от любой «обреченности», будь то неизбежная имперскость и, стало быть, нацеленность на бесконечный реванш и конфликт с соседями, или неизбежное встраивание в чей-то проект. Исходя из объективных параметров сегодняшнего мира, роль дееспособного «свободного агента» может оказаться весьма привлекательной.

Россия – не Европа?

Современный взгляд России на Европу выражается в публичном пространстве тремя формулами. «Западники», превратившиеся в маргинальную силу с точки зрения общественной поддержки, сохраняют влиятельные позиции в средствах массовой информации и в экономическом блоке правительства. Для них нынешнее состояние дел – срыв страны с верного «европейского» пути. Предполагается, что исчерпанность положитель-

ной повестки в отношениях с Западом будет как-то преодолена, и Россия вернется на траекторию «интеграции» во все еще западо-центричную глобальную экономику. Однако в большинстве случаев авторы даже не пытаются предположить, как и когда.

Другая формула, которую используют для описания отношений с Европой, предлагает считать Россию «иной Европой». До украинского кризиса этот дискурс фактически был официальным. Во всех программных выступлениях Владимира Путина с 1999 до 2013 гг. подчеркивалось, что Россия – неотъемлемая культурно-историческая и политическая часть Европы, хотя постепенно усиливалось подчеркивание того факта, что в рамках единой европейской цивилизации есть разные традиции и недопустима унификация¹⁵.

Среди тех, кто отстаивает идею «другой Европы», немало людей, полагающих, что отказ от «европейской ориентации» чреват укреплением авторитарных тенденций. Вряд ли настаивание на европейской принадлежности России существенно повысит шансы на демократическое развитие ее политических институтов (особенно с учетом кризиса этих институтов в Европейском союзе). Между тем, все проблемы евроцентричности дискурсов об идентичности в этом случае остаются – **претензию на статус «иной Европы» все равно нужно отстаивать перед «главной» Европой.** Эта позиция оставляет незыблемыми все психологические ловушки и комплексы евроцентризма, которые уже столько лет служат источником русского ресентимента в отношении Запада.

В только что принятой глобальной стратегии ЕС и в решениях Варшавского саммита НАТО Россия представлена именно в качестве стратегического вызова, то есть конституирующего Иного, каковым она была для европейских проектов идентификации в течение, как минимум, трех веков. Наши современные попытки доказать, что есть «иная Европа», воплощением которой и является Россия, повторяют, иногда в комичной форме, ход русской мысли XIX века, которая постоянно искала родственную ей Европу «святых чудес», или, как сказали бы теперь – «традиционных ценностей», которую в каждый конкретный момент времени от нас заслоняла Европа в ее текущем «неудовлетворительном» состоянии.

Настроения, которые можно выразить формулой «Россия – не Европа», возобладали, пожалуй, впервые в отечественной истории. Есть основания полагать, что это – устойчивая тенденция, а не кратковременная реакция на ухудшение отношений с Западом. В том числе и потому, что сам Запад, во-первых, переходит от экспансионистской стратегии к «закрыванию собственного контура», во-вторых, теряет «монополию на прогресс» по мере подъема других центров развития.

Европа всегда была для России источником заимствования технологий, ориентиром при построении системы науки и образования. Кризис коммунистического проекта сделал актуальным взгляд на Европу и как на социальный и политический образец, который справедливо признавался достойным подражания, а именно – верховенство права,

15 Примечательно, что в опубликованной осенью 2007 г. (уже после знаменитой Мюнхенской речи Владимира Путина и начавшегося обострения отношений) статье «Национализация будущего» тогдашний идеолог российской внутренней политики Владислав Сурков писал: «Не выпасть из Европы, держаться Запада — существенный элемент конструирования России».

модель представительной демократии и социального государства. К сегодняшнему дню в России утвердился взгляд, что Запад перестал быть единственно возможным источником заимствований в научно-технической сфере, к тому же он нередко ограничивает возможности заимствования по политическим соображениям. Социальное государство демонтируется на наших глазах, и российские элиты можно обвинить разве что в том, что они выступают лучшими учениками в этом классе. А опыт развития посткоммунистических обществ показал, что стабилизация демократического устройства возможна только в тех странах, которые были приняты в «западный клуб», «демократизация» же периферийных по отношению к Западу обществ нередко становится инструментом их дестабилизации или подчинения.

Века русского евроцентризма, конечно, оставили след не только в виде ресентимента и разочарования. Россия усвоила и даже творчески развила многие элементы европейской цивилизации. Европа и Россия могут быть добрыми соседями, и сформировать новую позитивную повестку взаимоотношений. Но Европе при этом придется признать, что структуру диалога с Россией придется изменить. Не потому, что подмастерье выучился (или не выучился). Это уже не важно. Просто **подмастерье исчезает в этом качестве из-за того, что уже не стремится быть членом гильдии и добиться ее признания.** При этом не собирается претендовать на роль «учителя», как в советское время. После того, как Европа подустанет от доминирующего сегодня дискурса «варвара у ворот», ей придется расширять свой дискурсивный репертуар в отношении России.

В современных российских дебатах о будущем отчетливо видны два аспекта, связанные с освобождением от евроцентричности прежних дискурсов идентичности. По сути дела, новые подходы начинаются с отказа от привычных психологических установок.

Во-первых, мы все время мыслили о будущем в парадигме догоняющего развития. При этом целью «гонки» обозначалось вхождение в Европу, с которой неизменно соотносили свое развитие. В этом отношении настрой россиян был похож на устремления других пост-коммунистических стран. Сегодня это очевидным образом не так. Причем ясно, что отсутствие общих проектов и условий для их возникновения в обозримом будущем способствуют привыканию к новому взгляду на Европу. Это вопрос не симпатии или антипатии, а центрального или, как теперь, периферийного места Европы в русских представлениях о будущем¹⁶.

Во-вторых, психология «догоняющего» развития сочеталась с широким распространением образа «уходящего поезда», который мощно резонировал с характерным для советской ментальности мобилизационным инстинктом. Посткоммунистической России

16 Вариант умеренно-позитивного прогноза отношений предлагают Тезисы Совета по внешней и оборонной политике «Стратегия для России. Российская внешняя политика: конец 2010-х – начало 2020-х годов»: «В отношениях с Европой на ближайшее десятилетия нужно исходить из того, что она уже не модель, но и, тем более, не угроза. Близкая культура и партнер по экономическому, человеческому взаимодействию. Пока мы разошлись, но новое сближение желательно и возможно по мере развития России в направлении более диверсифицированной политической и экономической системы, а остальной Европы — в сторону большего консерватизма и реализма и отхода от демократического мессианства».

присущи экзистенциальные страхи «упустить свой шанс», играющие столь важную роль в коллективной психологии малых наций Восточной Европы. Эти мотивы по-прежнему звучат в публичных дискурсах, но уже не доминируют.

Мираж «национального государства» и другие «неизвестные» внутреннего развития

Ряд аналитиков, в том числе и Дмитрий Тренин, полагают, что в России настало время для «собственно российского национального проекта XXI века»: «Россия испытывает острую потребность в созидательном национализме, вписанном в глобальный контекст... национализме просвещенного действия, сосредоточенного на развитии России... и отвергающего самоизоляцию страны, ее противопоставление другим странам и высокомерное или враждебное отношение к другим нациям»¹⁷. В том, что Тренин имеет в виду, много здравого. Прежде всего, перенос фокуса с национализма «воинского подвига», который насаждался в XX веке, на патриотическую мотивацию созидания в различных сферах жизни: местном самоуправлении, среднем и мелком предпринимательстве, науке, здравоохранении, образовании, охране природы. И, конечно, в утверждении правового государства как ключевой предпосылки, без которой нельзя надеяться на успех ни в какой сфере. Провал России на этом направлении – ее главная неудача за весь посткоммунистический период развития.

Элементы намеченной выше программы могут гармонировать и с традициями отечественных «деревенщиков», и с западным взглядом. Например, сейчас трудно сказать, чего будет больше в жизненно необходимом для России приоритетном внимании к экологическим проблемам – русского «почвенничества» или опоры на европейский опыт экологической регенерации, успешно внедряемый с 1960-х годов.

Но ключевой тезис Дмитрия Тренина – представление о «российском национальном государстве» как цели развития. **Восприятие нации-государства в качестве нормы можно считать одним из примеров не критического евроцентризма современной русской политической мысли.** Модель нации-государства, где лишь одна этническая группа воспринимает государство как собственное, а остальным гарантирует защиту прав меньшинств, в России неприменима. Особенности доставшегося нам советского наследия, а именно институционализация и территориальное закрепление этничности, делают невозможным построение нации-государства. Русские составляют более 80% населения, что превышает численность титульных групп во многих нациях-государствах, и русский национализм является силой, которую нельзя «растворить» в общероссийском проекте, как в рамках проекта советского. В то же время у нас есть политически мобилизованные нерусские группы, которые обладают ясно сформулированными представлениями о своем статусе как нации и о своей национальной территории, а также собственной республиканской автономией, и для них неприемлемо национальное государство, построенное исключительно вокруг русской идентичности.

Попытки создать нацию-государство в таких условиях ведут к тяжким последствиям. Политическая наука разрабатывала в последние годы модель государства-нации, в которой дизайн государственных структур должен соответствовать ситуации с двумя или более политически мобилизованными сообществами, сознающими себя как нации. Некоторые элементы этой модели могут быть применимы в России. Речь, вероятно, должна идти об ассиметричной федеративной структуре, способной сочетать русскость и российскость как два взаимодополняющих принципа.

Конфессиональная и этно-территориальная неоднородность России имеет и внешнеполитические последствия. С одной стороны, Россия неизбежно будет более чувствительна к дестабилизирующим влияниям извне, прежде всего в своих мусульманских регионах. С другой – такая поливалентность может дать серьезные козыри во взаимодействии с разными по культуре и конфессии внешнеполитическими партнерами. Некоторые примеры использования этого фактора мы могли наблюдать в политике России последних лет, когда главы регионов решали определенные задачи на международной арене в координации с Кремлем.

Устойчивую модель государственного устройства России, в которой проблемы политического и гражданского участия и равенства эффективно регулируются в правовом поле, а не решаются, по преимуществу, сочетанием взаимного шантажа центра и периферии и мер *ad hoc*, еще предстоит создать. И здесь лишь одна из многих составляющих большого уравнения, которое должно описать отсутствующую сегодня стратегию успешного социально-экономического развития страны. Это сложная задача, и трудно предсказать, где мы найдем ответы на эти вопросы. Однако ясно, что фиксация на европейском опыте, равно как и на евроцентричном дискурсе идентичности, лишь затрудняет поиск решений.

С начала 2010-х гг. в России активно обсуждается вопрос собственного набора принципов общественного устройства, противопоставленного «европейским ценностям», которые выдвигает Европейский союз. Целостной, но при этом достаточно конкретной, прикладной (как европейский аналог) концепции сформулировать не удастся, а упор на традиционность, как правило, возвращает к упомянутому выше дискурсу «другой, правильной Европы» с вытекающими последствиями. Попытки же вписать российские ценностные искания в контекст не-Запада, например, найти общую базу с другими государствами БРИКС, наталкиваются на глубокие культурные различия с каждым из них. Даже общий для БРИКС пафос противостояния гегемонизму имеет различную природу – Бразилия, Индия, ЮАР и (в меньшей степени) Китай продолжают антиколониальную линию «третьего мира», в российском же случае скорее имеет место ревность к удачливому сверхдержавному сопернику.

Как представляется, соревнование по части создания альтернативной ценностной базы тоже принадлежит уходящей эпохе, и России пора перестать в нем участвовать. Стране нужна гибкая и «удобная» система принципов и представлений, которая обеспечивала бы наиболее эффективное управление государством и создавала условия для развития всего многообразного общества. Попытки выковать специальные «скрепы», хоть либерального, хоть консервативного толка, помимо таких очевидных вещей, как справедливость, солидарность и равноправие, сужает возможности развития и реагирования на постоянно меняющуюся обстановку. В конце концов, «европейские ценности»

тоже имели задачей не абстрактную морализацию, а построение оптимально действующего современного государства. Сейчас и Европе явно предстоит корректировка этого понятия для его приспособления к новым условиям.

Европа находится сегодня в таком же положении, что и Россия – прежние рецепты не работают, будущее предстоит вообразить и построить заново. Россия не стала частью Европы, современное состояние России и Европы, проблемы, перед ними стоящие, существенно различаются. Рецепты будущего развития они будут искать независимо друг от друга, и рецепты эти будут разными.

Не спешить на поезд

В ближайшие годы России предстоит решить ряд взаимосвязанных задач как внутри страны, так и в контексте позиционирования в мире. Поиск решений должен опираться на три ключевых принципа.

Во-первых, их следует вырабатывать без спешки и синдрома «уходящего поезда». Все равно не угадать, куда, собственно, «поезд» сейчас идет. Россия стоит перед серьезными вызовами, но ей не привыкать – в таком положении она оказывалась многократно и справлялась с ним.

Гегель говорил, что величие страны определяется ее способностью верно определить для себя меру. Для России это значит не только понимание ограниченности собственных возможностей (как представляется, этот урок усвоен после распада СССР), но и обратное. Протivoестественно, когда держава, обладающая способностью уничтожить планету, становится жертвой панического алармизма и психологии «осажденной крепости». Важно освободиться от экзистенциальных фобий, свойственных малым восточноевропейским странам, нервозности реакций, вызываемой страхами, и начать выстраивать длительные, рассчитанные на десятилетия, стратегии самостоятельного развития.

Во-вторых, стратегии должны быть принципиально новыми. России нужно воспользоваться наметившейся тенденцией преодоления евроцентризма своей общественной мысли и воображения будущего, который доминировал со времени перестройки. Решение этой задачи предполагает достижение широкого общественного консенсуса по вопросу о базовых ценностях. Страна находится в точке, когда ни хищнический индивидуализм первых постсоветских годов, ни ненасытный потребительский раж «жирных лет» уже не доминируют в обществе. Есть запрос на восстановление общественной ткани, стабильность, и социальную защищенность. Это необходимое, хотя и недостаточное условие для того, чтобы выстроить стратегию длительного устойчивого развития. Развития, мерилom которого будет не сравнение с воображаемым европейским уровнем и образом жизни, саркастическим символом которого стал печально известный «евро-ремонт», но скромный достаток, дополненный доступностью сферы образования, здравоохранения и уверенностью в возможности найти работу. Нужно понять, что идейная палитра меняется повсеместно, и России пора перестать бродить в трех соснах, раз за разом воспроизводя конфликт одних и тех же догм – монетаризм против дирижизма,

эффективность против справедливости и пр. Успеха в современном мире добьется тот, что предложит сбалансированный вариант конвергенции всех этих понятий.

В-третьих, **принципиально важно, чтобы момент преодоления евроцентризма не превратился в «момент Данилевского», иначе говоря, не перешел в восприятие Европы как врага.** Россия по своей культуре и истории не перестанет быть во многом европейской страной, без достижений европейской цивилизации, как правовое государство, уважение к правам личности, успеха добиться невозможно. Экономическое взаимодействие с Европой останется важнейшим условием развития на долгие годы вперед. К тому же Россия заинтересована в дружественном и предсказуемом соседе.

Однако тенденция к эмоциональному отчуждению присутствует в общественном пространстве, и враждебное отношение многих европейских политических сил к России или к путинскому режиму ее подпитывают. Это часть общего мотива «осажденной крепости», у которого своя богатая традиция/инерция. И многое в современных отношениях России и Запада ее усугубляет.

Отчуждение, только не эмоциональное, импульсивное, а осознанное, инструментальное, необходимо России и Европе для того, чтобы выбраться из трясины обид, ревности, необоснованных ожиданий и обманутых надежд, накопившихся за годы после холодной войны. Святам, как ни странно, требуется рационализация, невозможная без способности отстраненно взглянуть друг на друга. Как справедливо говорится в выпущенном недавно Валдайском докладе, «чтобы успешно развиваться, отношения должны опираться не на эфемерные “общие интересы и ценности”... или сближение моделей развития, а на четко изложенные и предъявленные партнеру интересы каждой из сторон»¹⁸. Разумная отстраненность способна остановить опасное скатывание к новой конфронтации.

Эмоциональный накал и желание что-то доказать Европе и Америке, помимо всего прочего, отвлекает от решения более важных задач, в частности, наполнения реальным содержанием восточной политики. Принципиально важно сделать все зависящее от Москвы, чтобы преодолеть истеричность атмосферы в отношениях с Западом. Следует отказаться от систематического передразнивания, троллинга Евросоюза и США, подчеркивания всеми возможными способами их неискренности и двойных стандартов. На адресатов это все равно не действует, а практика Пекина показывает, что все то же самое можно сказать намного спокойнее, демонстрируя не ревнивую психопатическую неприязнь, а уверенное в себе безразличие.

Лицемерие, нежелание (а иногда и неспособность) назвать вещи своими именами оказалось одним из наиболее разъедающих явлений завершающейся эпохи. Победа «политкорректности» в международных отношениях привела к небывалому триумфу двоемыслия, когда стороны вообще утратили общий язык, поскольку существуют в несовместимых картинах мира. Можно сказать, **что диалогу России и Запада сегодня не хватает здорового и откровенного цинизма, ясного формулирования собственных инте-**

18 «Россия и Европейский союз: три вопроса о новых принципах отношений». Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2016 год. / <http://ru.valdaiclub.com/files/12204/>

ресов. Россия должна жестко зафиксировать «красные линии», которые будут вызывать неотвратимую реакцию. Как представляется, те на Западе, кто в состоянии сделать анализ собственных ошибок, поняли, что практика 2013–2014 гг., когда Москве фактически было указано, что отношения Украины и ЕС – «не ее дело», и есть переход «красной черты».

Фирменным знаком российской политики последнего времени стала ее способность заставить всех остальных врасплох, позволяющая компенсировать ограниченность ресурсов. Неожиданные ходы Путина не раз давали существенное тактическое преимущество. Однако репутация России как непредсказуемого игрока, которая в отдельных случаях полезна, приносит и заметные издержки не только в отношениях с Западом (прежде всего США), но и на других направлениях. Так, собеседники Москвы на востоке и юге привыкли считать ее чересчур импульсивным актором, склонным к резким зигзагам, импровизациям и не любящим системной работы. При этом и в Китае, и в Индии, и особенно в Иране многие убеждены, что все азиатские направления вторичны для Москвы, а то и – хуже – не самоценны, несерьезны, инструментальны и подчинены главной цели – борьбе за благосклонность Запада. Так и сейчас открытость России на азиатском, южноамериканском направлениях там воспринимают как вынужденное и преходящее явление, которое закончится, как только на следующем витке внешнеполитической спирали отношения с Западом пойдут на поправку.

Заработать репутацию надежного, конструктивного и долгосрочного партнера незападного мира – насущная необходимость. В первую очередь требуется новое качество политики в Азии, где страна традиционно прежде всего искала подтверждения своей принадлежности к Европе. Задача на предстоящие годы – обрести собственную идентичность в этой части мира, понятную азиатским партнерам и независимую от состояния связей со Старым и Новым Светом. Также надо отдавать себе отчет в том, что отношения с Соединенными Штатами на обозримый период будут колебаться в диапазоне от острого противостояния до умеренного взаимного сдерживания. Это обусловлено и общей логикой развития, и тем, что и Россия, и США переживают сложные внутренние трансформации, а это наименее благоприятное время для выстраивания новых позитивных связей.

Азиатский вектор российской политики не должен и не будет исчерпываться Китаем, однако именно Пекин в силу растущего веса и влияния является опорным партнером к востоку от Урала. Как отмечено выше, российско-китайские связи обретают характер поистине стратегических отношений – прежде всего благодаря общему пониманию вызовов, которые бросает государствам международный контекст. По мере нарастания взаимодействия неизбежны трения и повышение конфликтности – интересы великих держав никогда не совпадают в полной мере, а глубокое понимание друг друга и, соответственно, умение преодолевать противоречия (в том числе и возникающие в процессе неизбежной экономической конкуренции) с минимальными потерями еще только предстоит наработать. Подготовке и совершенствованию кадров, которые обеспечивали бы процесс взаимной «притирки», следует уделить особое внимание и ресурсы.

Умение правильно понимать Азию и эффективно с ней работать становится важным преимуществом в глобальной конкуренции. Это же будет способствовать формированию сбалансированной самоидентификации самой России, преодолению упомянутой

выше психологической заикленности на Западе, убеждения, что адекватное взаимопонимания возможно только при наличии общих культурных корней. Пока получается наоборот – **побеги от одного корня проросли в столь разных направлениях, что наличие совместной предыстории скорее сбивает с толку, чем помогает понять друг друга.**

В период болезненной трансформации с не вполне определенным пунктом назначения, а этот процесс параллельно происходит и в глобальном масштабе, и внутри России, требуется максимальный прагматизм и гибкость в выборе партнеров. Принцип, которым должна руководствоваться Москва, гласит: сотрудничаем со всеми, кто готов работать на укрепление порядка и базы для устойчивого развития.

В условиях глобальной непредсказуемости мало что ценится столь же высоко, как свобода маневра. Как самая большая страна мира, расположенная на стыке большинства судьбоносных процессов, Россия сталкивается с многочисленными вызовами по всему периметру границ. И заинтересована во взаимодействии с самыми разными партнерами по противодействию этим вызовам. Уход от евроцентризма, минимизация конфликтов с соседями, поиск оптимальной комбинации отношений для каждой конкретной проблемы – это если и не модель развития на XXI век, то способ с наименьшими потерями пережить предстоящие катаклизмы и подготовиться к более упорядоченной фазе мировой истории, которая обязательно наступит после начинающегося переходного периода.

Ближайшие пять лет будут решающими для следующего этапа отечественного развития. Именно они покажут, способна ли Россия совершить новый старт, творчески переосмыслив собственный многообразный опыт, или же страна в очередной раз сорвется на привычную траекторию, ведущую по замкнутому кругу.

Авторы доклада благодарят участников семинара “Россия в международной политике: поиск роли и идентичности”, состоявшегося в Центрально-европейском университете (Будапешт) в феврале 2016 года. В нем приняли участие: **Азиз аль Азмех** (ЦЕУ), **Александр Астров** (ЦЕУ), **Леонид Григорьев** (НИУ ВШЭ), **Войчех Заячковский** (МИД Польши), **Игорь Зевелёв**, **Владислав Зубок** (Лондонская школа экономики и политических наук), **Александр Искандарян** (Институт Кавказа, Ереван), **Георгий Касьянов** (Национальная Академия наук Украины), **Андрей Картунов** (Российский совет по международным делам), **Иван Крастев** (Центр либеральных стратегий, София, Институт наук о человеке, Вена), **Андрей Крикович** (НИУ ВШЭ), **Мария Липман** (журнал “Контрапункт”), **Никита Ломагин** (Европейский университет в Санкт-Петербурге), **Александр Ломанов** (Институт Дальнего Востока РАН), **Артемий Магун** (ЕУСПб), **Рубен Мнацаканян** (ЦЕУ), **Ивер Нойманн** (Лондонская школа экономики и политических наук), **Ричард Саква** (Кентский университет), **Ханс-Йоахим Шпангер** (Институт исследований мира во Франкфурте), **Тамаш Пал** (Академия наук Венгрии), **Сян Ланьсинь** (Академический Институт международных исследований и проблем развития, Женева), **Александр Филиппов** (НИУ ВШЭ).

Ответственность за содержание несут только авторы, которые свободно пользовались идеями, высказанными в ходе дискуссии на семинаре. Особая благодарность Игорю Зевелёву и Александру Филиппову за ценные замечания, высказанные в процессе подготовки окончательного текста доклада.